

ПОНЯТИЕ ДЕЯНИЯ И УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ФАКТА В ДОКТРИНЕ И ПРАКТИКЕ

Ширяев Алексей Юрьевич

Кандидат юридических наук, старший помощник прокурора г. Кушвы Свердловской области (Кушва),
e-mail: alexej.shiryaeff2013@yandex.ru

Автор утверждает, что по своей природе уголовно-правовые нормы суть логико-языковые феномены, но не реалии в сфере уголовно-правового регулирования, в связи с этим ставится задача выявить исходную внеязыковую реальность и особенности взаимодействия с регулируемыми ее уголовно-правовыми нормами. Таковой исходной реалией, по мнению автора, выступает факт произвольного действия человека, образующий понятие деяния. Изучены примеры судебной практики, показывающие, как деяние (предмет правовой оценки) подменяется абстракциями, что искажает характеристики релевантного события и приводит к неверным уголовно-правовым оценкам. Делается вывод о необходимости понятийной фиксации деяния и отграничения его от понятия объективной стороны состава преступления. Показано, что неразличение уголовно-релевантного факта и признаков состава преступления ведет к неправильному толкованию норм уголовного закона, неполноте уголовно-правовой оценки обстоятельств дела. Обосновывается, что процессуальное экспертное познание средствами наук о природе имеет целью точное и достоверное познание отдельных аспектов и фрагментов события, но не определение фактического основания уголовной ответственности.

Ключевые слова: деяние, преступление, уголовно-релевантный факт, состав преступления, уголовно-правовая интерпретация факта

THE CONCEPT OF AN ACT AND CRIMINAL LAW INTERPRETATION OF A FACT IN DOCTRINE AND PRACTICE

Shiryaev Alexey

Office of Public Prosecutor of Kushva (Kushva),
e-mail: alexej.shiryaeff2013@yandex.ru

The author claims that criminal law norms are naturally logic-linguistic phenomena which exist in criminal legal regulation. Therefore, the task is to expose baseline out-language reality regulated by criminal law norms. In the author's opinion such baseline reality is a fact of a man's willful act. The article examines judicial cases which explain how an act as a subject of criminal legal treatment can be spoofed or distorted under the influence of abstracts. The author explains that wrong distinction of the fact and the concept of constituent elements of crime implies misunderstanding of criminal law norms and incomplete legal appraisal of circumstances of the case. The article argues that procedural expert learning by means of natural sciences is intended only to rise exactness of event fragments but not to define the factual grounds for criminal responsibility.

Key words: act, crime, criminally relevant fact, constituent element of crime, criminal legal interpretation of fact

В науке уголовного процесса высказано мнение, что «разрешение всякого уголовного дела сводится к выполнению двух задач: а) установление наличия или отсутствия определенного события, б) подведение этого события под соответствующую

правовую норму, т. е. применение к нему закона»¹. Может ли в таком случае предмет науки материального уголовного права состоять из одних логических отношений реальных событий к нормативным предписаниям и не должен ли он (предмет) включать все то, что связано с вопросами реального существования элементов преступления? Нуждается ли уголовное право в собственном понятии факта и построении собственной онтологии?

Термин «состав преступления» обозначает совокупность юридических, т. е. предусмотренных законом, признаков в качестве достаточного основания для уголовной ответственности. Словом «преступление» обозначается конкретная реалья, определенным образом уже истолкованная в контексте уголовно-правовой интерпретации (деяние, содержащее состав преступления), результат познания и уголовно-правовой оценки совершенного деяния. Отсюда именно деяние есть исходный предмет уголовно-правовых оценок. Это обстоятельство, в частности, нашло отражение в п. 1 ч. 1 ст. 299 УПК РФ, который обособляет вопрос о существовании деяния. Однако доктриной уголовного права деяние изучается не в своем сущностном определении, а только как признак объективной стороны преступления в рамках учения о составе преступления. Не как исходная реальность, укореняющая основа и предмет уголовно-правовых оценок, но (будучи отнесенной к объективной стороне преступления) как инструмент и цель уголовно-правовой интерпретации социального факта². Оправдан ли такой теоретический подход? Нуждается ли деяние в сущностном определении?

Фактом в сфере права являются обстоятельства, с которыми юридическая норма связывает определенное последствие³. Фактом для уголовного права может быть только конкретное волевое поведение (деяние) человека. Уголовно-релевантный факт есть фрагмент реальности, имеющий такое значение в сфере правового регулирования, что в принципе может порождать правовые последствия независимо от того, запрещены такие действия правом или нет. Это сущностное свойство деяния как факта правовой сферы реальности обусловлено тем, что деяние есть произвольное причинение последствий во внешнем мире⁴. Соответствие законодательному запрету не является важным свойством деяния. Таким образом, деяние, сущность которого содержит только возможность порождения уголовно-правовых последствий, неправомерно причислять к признакам состава преступления. Деяние как таковое имеет свойство изначальной индифферентности (нейтральности) в отношении юридических признаков уголовного запрета.

Последующий анализ отдельных примеров имеет целью показать, что у деяния как основы для установления юридических характеристик преступления ни в теории, ни в правоприменительной практике нет однозначной определенности. В ходе уголовно-правовой интерпретации целостный факт смешивается с результатами процессуального познания его отдельных свойств, а также с нормативными критериями его законодательной оценки. Это положение дел не может не влиять, и весьма

¹ Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс: учеб. / под общ. ред. А. В. Смирнова. М., 2008. С. 176.

² См., например: Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учеб. / под ред. А. И. Рарога. М., 2008. С. 72.

³ Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. М., 2012. С. 164.

⁴ Это так называемое естественное понятие деяния, которое дал Франц фон Лист (*Лист Ф. фон. Учебник уголовного права. Общая часть.* М., 1903. С. 125–137). А. А. Зиновьев говорит, что человек как социальный объект неделим и состоит из тела и сознания (*Зиновьев А. А. Логическая социология: избранные сочинения.* М., 2008).

неоднозначно, на вывод правоприменителя о наличии или отсутствии конкретного состава преступления.

К. в ходе конфликта выбил дверь и ворвался в комнату, где проживали потерпевшая Ш. и ее супруг Т., держа при этом в руках ламинированную доску от мебели¹. К. сделал попытку ударить доской Т., но тот увернулся, и удар пришелся по голове Ш., которой причинена черепно-мозговая травма, расцениваемая экспертом как тяжкий вред здоровью по признаку опасности для жизни.

Суд первой инстанции квалифицировал действия К. как покушение на умышленное причинение тяжкого вреда здоровью Т. и неосторожное причинение тяжкого вреда здоровью Ш., осудив К. по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 111, ч. 1 ст. 118 УК РФ. Судебная коллегия областного суда исключила из приговора осуждение К. по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 111 УК РФ, мотивировав решение тем, что обязательным признаком объективной стороны данного состава преступления (ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 111 УК РФ) является наличие прямой причинной связи между действиями (бездействием) виновного и наступившими последствиями в виде вреда здоровью определенной степени тяжести. В данном случае, как отмечено в апелляционном определении, действиями К. каких-либо телесных повреждений потерпевшему Т. не причинено, поэтому дело в этой части подлежит прекращению за отсутствием состава преступления.

Очевидно, что если согласиться с приведенным аргументом, то покушение на умышленное причинение тяжкого вреда здоровью вообще невозможно, что в принципе не может быть верно. Если бы суд сослался на недостаток доказательств прямого конкретизированного умысла, требуемого для покушения на умышленное причинение тяжкого вреда, то аргумент был бы логически верным, хотя фактически небесспорным. Так или иначе, но умышленное действие, направленное на причинение тяжкого вреда здоровью человека, в ходе которого по неосторожности причинен тяжкий вред здоровью третьего лица, осталось без должной юридической оценки. Представляется, что, разрешая дело, суд второй инстанции не смог квалифицировать деяние по ч. 1 ст. 111 УК РФ как неоконченное преступление по причине отсутствия заключения судебно-медицинского эксперта в отношении первого потерпевшего, привычно полагая, что именно судебно-медицинским исследованием устанавливается «объективная сторона преступления».

По нашему мнению, правоприменитель должен конструировать предметное деяние для его последующей оценки как самостоятельное событие на основе совокупности доказательств, а не собирать «состав преступления» по частям из отдельных доказательств, минуя предметную реконструкцию факта. Термин «состав преступления» в данном случае использован в архаичном процессуальном смысле (набор улик), чему способствует отсутствие четкого концептуального разграничения деяния и состава преступления, первого как предмета, второго – как логической модели квалификации. Различия между процессуальным познанием факта и уголовно-правовой оценкой не должны стираться. Процессуальное экспертное познание методами естественных наук преследует цель повышения достоверности знания о событии, но не предоставляет в готовом виде фактическое основание уголовной ответственности и тем более элементы уголовно-правовой оценки. Объект естественных наук, изучающих следы преступления, – это явления физической природы, не равнозначные

¹ Определение судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда от 20 июня 2014 г. об изменении приговора Новоуральского городского суда. Дело № 22-5363/2014 // Архив прокуратуры Свердловской области.

ни охраняемому правовому благу, ни признакам состава преступления. Судебной практике известны случаи, когда вина в умышленном убийстве была доказана вообще при отсутствии данных о причине смерти на основе совокупности иных доказательств¹.

П. для совершения разбойного нападения на К. вооружился бейсбольной битой, а остальные участники группы (С., А. и Ш.) – металлическими прутьями. Действуя согласованно с участниками группы, П. наносил потерпевшему удары битой, однако тяжкий вред здоровью потерпевшего причинен при нанесении ему неоднократных ударов металлическими предметами, а не бейсбольной битой. Приговором суда первой инстанции все соучастники признаны виновными в совершении разбойного нападения группой лиц по предварительному сговору с применением предметов, используемых в качестве оружия, с незаконным проникновением в помещение, с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего К. и осуждены по п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ. Определением судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда действия П. переквалифицированы с п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ на ч. 3 ст. 162 УК РФ, наказание снижено². Основанием для исключения признака разбоя «с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего» послужило заключение судебно-медицинской экспертизы. Предположим, что П. вообще не применял орудий, а удерживал потерпевшего и изымал деньги, пока другие его избивали. Действия П. и в таком случае подлежат ответственности за разбой, а не за ненасильственный грабеж.

Представляется, что если П. предвидел использование другими исполнителями разбоя металлических прутьев и деятельно участвовал в общем деянии, то он должен отвечать за причинение тяжкого вреда здоровью человека. В литературе уже было высказано правильное мнение, что если в ходе группового хищения одним или несколькими соучастниками применено насилие и все поддержали, то группа должна отвечать за примененное насилие, при этом следует давать юридическую оценку событию преступления в целом³.

3 марта 2015 г. в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» введен п. 14.1, который предусматривает, что если умыслом виновных, совершивших разбойное нападение группой лиц по предварительному сговору, охватывалось причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего или лишение его жизни, но только один из них причинил тяжкий вред здоровью либо смерть потерпевшему, то действия всех участников группы следует квалифицировать по п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ как соисполнительство в разбое, совершенном с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего⁴.

Мы предлагаем способ концептуального отграничения понятия деяния от понятия объективной стороны состава преступления, который может предотвратить многие аналогичные ошибки. Общее деяние соисполнителей выступает основой для уста-

¹ Марьин А. Б. Из практики расследования преступлений против жизни и здоровья граждан при отсутствии данных о причине смерти // Следственная практика. 2003. № 1. С. 35–42.

² Определение судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда от 3 ноября 2010 г. об изменении приговора Байкаловского районного суда Свердловской области. Дело № 22-11192/2010 // Архив прокуратуры Свердловской области. 2010 г.

³ Комиссаров В., Дубровин И. Проблемы ответственности соисполнителей за совместные преступные действия и их вредные последствия // Уголовное право. 2003. № 1. С. 25–28.

⁴ О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда РФ: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 3 марта 2015 г. № 9 // Бюл. Верховного Суда РФ. 2015. № 5. С. 1–3.

новления объективной стороны состава (п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ), что подразумевает выявление объективных признаков на основе их органического единства в реальном предметном деянии, конструируемом по совокупности доказательств, вместо формального прямолинейного выведения отдельного признака состава из отдельного доказательства. Действия каждого соисполнителя – это вклад в общее деяние, причинившее тяжкий вред здоровью, в котором умыслом каждого охватывается возможность тяжкого последствия. Заключение эксперта установлен факт причинения тяжкого вреда здоровью только от металлических прутьев. Однако самостоятельный фрагмент события не должен подменять целостную реконструкцию факта, т. е. подменять общее деяние, в целом не являющееся предметом судебно-медицинской экспертной оценки.

Вопрос о причинности в преступлении имеет несколько взаимосвязанных, но дифференцированных уровней: эмпирически-природный, разрешаемый посредством экспертного познания факта, и социально-правовой, обусловленный юридической конструкцией деяния¹. Между этими уровнями существует обязательный средний предметный слой, выступающий целью и предметом процессуального познания и одновременно основой для уголовно-правовой оценки, – деяние, реконструируемое предметно и юридически нейтрально.

В период с ноября по январь В., А., Д. и Л. вступили в сговор на завладение автомобилем «Тойота Лэнд Крузер», принадлежащим предприятию города К. Соучастники приезжали в город для отслеживания маршрута движения джипа и подготовки преступления, приискали форменное обмундирование сотрудников ДПС ГИБДД, жезл и наручники². Непосредственно перед началом действий А., получив от Д. сообщение о приближении джипа, совместно с В. и Л. перегородили путь автомобилю. В. и Л. в форме сотрудников ДПС, используя милицейский жезл, вынудили водителя Г. остановить джип, выйти из салона и сесть с ними в автомобиль ВАЗ, чтобы предъявить документы. Потерпевший в наручниках был вывезен из города на значительное расстояние от населенных пунктов. А. и Л. завели Г. в лесной массив на 200 м, где пристегнули наружниками к дереву диаметром 10 см с заведенными за спину руками. Стояла зима, температура воздуха была приблизительно –30° С. Смерть Г. наступила в лесном массиве в прикованном состоянии. Материальный ущерб от хищения составил более 1,5 млн руб. Согласно судебно-медицинскому заключению кровоизлияния, обнаруженные в лобной области скелетированного трупа потерпевшего, явились следствием ударного воздействия тупого твердого предмета. Определить причину наступления смерти не представилось возможным. Оснований для вывода о наличии причинно-следственной связи между указанными повреждениями и наступлением смерти не было. По показаниям эксперта, подобные повреждения у живых лиц образуются от насилия, как не связанного с причинением вреда здоровью, так и влекущего вред здоровью вплоть до тяжкого. Объективных судебно-медицинских данных, свидетельствующих о нанесении Г. множественных ударов, нет. Судебно-

¹ Например, А. Ю. Кошелева справедливо полагает, что категория причинности применима в уголовном праве ко всем объективно существующим явлениям, причинность наличествует также в преступлениях с формальными составами, следовательно, причинная детерминация характеризует сам фактический ход деяния (Кошелева А. Ю. Особенности причинной связи в составах преступлений, совершаемых путем бездействия. М., 2009. С. 111, 173).

² Апелляционный приговор коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда от 21 октября 2013 г. об отмене приговора Кушвинского городского суда. Дело № 0588/2013 // Архив прокуратуры Свердловской области. 2013 г.

медицинские данные не исключают возможности образования кровоизлияний при любых обстоятельствах, при которых имело место ударное воздействие тупого твердого предмета в лобную область головы пострадавшего, в том числе при ударе лбом о ствол дерева или о собственное колено.

Органами предварительного следствия действия А. и В. квалифицированы по ч. 3 ст. 162 УК РФ как разбой, совершенный группой лиц по предварительному сговору в крупном размере, а действия А. еще дополнительно по ч. 3 ст. 127 УК РФ как незаконное лишение свободы, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего. Дела в отношении остальных соучастников выделены в отдельные производства. Судом первой инстанции приговор постановлен в соответствии с данной квалификацией.

Соучастникам хищения инкриминировано применение опасного для здоровья насилия в отношении Г. в ходе транспортировки его за город. Следователь, посчитав в этот момент разбой оконченным, последующие действия выделил в самостоятельный состав преступления и, опираясь на выводы эксперта об отсутствии причинной связи между насилием и смертью, квалифицировал действия как неосторожное причинение смерти в ходе незаконного лишения свободы.

Судебной коллегией по уголовным делам Свердловского областного суда действия В. переквалифицированы на пп. «а», «д» ч. 2 ст. 161 УК РФ, действия А. – на пп. «а», «д» ч. 2 ст. 161, ч. 3 ст. 127 УК РФ. Судебная коллегия сделала вывод, что стороной обвинения не представлено доказательств нанесения потерпевшему ударов в салоне автомобиля ВАЗ. Заключение эксперта о наличии у потерпевшего телесных повреждений в области лобной части головы не содержит бесспорных данных о времени, механизме и месте его образования, тем не менее оно было положено в основу выводов суда первой инстанции в отсутствие достоверных доказательств, а потому не устраняет возникших сомнений, т. е. нет веских доказательств применения виновными к потерпевшему опасного для жизни и здоровья насилия при хищении его автомашины.

Следствие исходило из того, что оставление в опасном состоянии находится за пределами состава разбоя, так как последний имеет усеченный состав. Существенным недостатком данной квалификации является то, что опасное для жизни насилие, повлекшее смерть потерпевшего, осталось без должной юридической оценки. «Окончание состава преступления, – писал М. И. Ковалев, – если имеется формула „усеченного“ состава, означает не фактическое окончание преступной деятельности, а наличие в действиях субъекта достаточных оснований для привлечения его к уголовной ответственности за оконченное преступление»¹. В данном случае опасное для жизни насилие входит в состав разбоя, а за его пределами оказывается только последствие в виде смерти, но это относится к вопросам доказывания умысла на убийство.

Весомым аргументом в пользу выделения деяния в отдельное понятие является то, что установление объективных признаков состава преступления – это всегда результат познания правоприменителем исходной реальности, завершающегося выводом о присущности юридических признаков предметному деянию, который может перепроверяться и корректироваться. Объективным признакам деяния, как они сформулированы в диспозиции, необходима еще онтологическая основа, т. е. то, что существует как реальный объект. Например, под вовлечением в занятие проституци-

¹ Ковалев М. И. Соучастие в преступлении: моногр. Екатеринбург, 1999. С. 30.

ей понимаются умышленные действия, направленные на возбуждение у лица желания заниматься проституцией, совершенные различными способами, в том числе не связанными с применением насилия, которые образуют окончанный состав преступления с момента их совершения, независимо от того, начало ли вовлекаемое лицо заниматься проституцией¹. Это законодательное определение применимо ко многим ситуациям, которые лишь отдаленно могут ассоциироваться с достаточным основанием для привлечения к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 240 УК РФ.

Ю. пообещала несовершеннолетней К. денежное вознаграждение за занятие проституцией, на что последняя согласилась. Около месяца К. проживала в доме, принадлежащем Ю., использовалась в качестве девушки по вызову наряду с другими девушками; виновной были организованы реклама услуг и транспорт. Ю. осуждена по ч. 3 ст. 240, ч. 1 ст. 240 УК РФ к четырем годам лишения свободы в колонии общего режима². Характерно, что в момент действий по вовлечению уже существовали определенные материальные предпосылки для реальной возможности занятия К. проституцией. Аналогичная ситуация имела место по делу в отношении Д., осужденного по ч. 1 ст. 150, ч. 1 ст. 151, ч. 2 ст. 240, п. «в» ч. 2 ст. 241 УК РФ (в ред. от 24 мая 1996 г.), где также в момент действий уже была устойчивая группа лиц, объединившихся для вовлечения женщин в занятие проституцией³. Теперь предположим, что имели бы место только сами действия, как они определены в ч. 1 ст. 240 УК РФ, совершенные в форме однократной реплики (уговора), абстрактно от материальных условий. Так мы установим факт склонения и намерение возбудить желание заняться проституцией, но таково всякое фиктивное (театральное) действие, которое не может влечь уголовной ответственности.

Анализ поведения другого человека подразумевает движение от внешних характеристик к внутренним свойствам. Характеристики и взаимосвязи внешних и внутренних свойств в поведении человека, существующем в реальной действительности, неизмеримо сложнее, чем в законодательной модели. В реальном ходе деяния динамизм психических процессов инициирует, направляет и видоизменяет внешнее выражение поведения, чего не в силах отобразить статичная конструкция состава преступления. С. в состоянии опьянения совместно с другим лицом учинил ссору с Б. С. нанес Б. сзади удар кулаком, от этого Б. упал на землю, С. и его сообщник совместно нанесли множественные удары кулаками и ногами по различным частям тела Б., причинив телесные повреждения, не расцениваемые как вред здоровью⁴. В ходе избиения С. заметил на пальце Б. золотой перстень-печатку и открыто похитил, причинив материальный ущерб на сумму 18 000 руб. Данное уголовное дело возбуждено следователем по признакам насильственного грабежа (п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ). По указанию прокурора действия С. квалифицированы по ч. 1 ст. 116, ч. 1 ст. 161 УК РФ, поскольку умысел на хищение возник уже в ходе применения насилия. Однако подобная ситуация, по нашему мнению, не исключает существования умысла на насильственный грабеж, который до применения насилия еще конкретизирован окончательно. Но ведь юридическая конструкция насильственного грабежа

¹ Комментарий к УК РФ (постатейный) / Ю. В. Грачева, Г. А. Есаков, А. К. Князькин и др. М., 2011. С. 345–346.

² Материалы уголовного дела № 22-11644/2005 // Архив Свердловского областного суда. 2005 г.

³ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 28 апреля 2005 г. // Бюл. Верховного Суда РФ. 2006. № 4. С. 20–21.

⁴ Материалы уголовного дела № 121553134 с приговором Кушвинского городского суда от 11 января 2013 г. // Архив прокуратуры г. Кушвы Свердловской области. 2013 г.

не требует ни конкретизированного, ни заранее обдуманного умысла. Если имела место смена мотивации от неопределенной неприязни (хулиганских побуждений) к внезапно возникшей в процессе посягательства корысти, то умысел на насильственный грабеж имеет место. В немецком уголовном праве случаи смены мотивации также рассматриваются как проблемные при квалификации насильственных хищений («Raub» в уголовном праве ФРГ – это и разбой, и насильственный грабеж). Если виновный «побил женщину из неясных побуждений, затем, пока она плачет, забрал бумажник, то есть разбой, если используется продолжающаяся насильственная ситуация»¹.

Психические процессы виновного, формирующие умысел, определяющие вид умысла и другие признаки субъективной стороны состава преступления, относятся прямо не к признакам объективной стороны, но к фактическим обстоятельствам, т. е. должны быть определены первоначально предметно, отдельно от нормативных критериев. Мы сталкиваемся с двусмысленностью самого термина «умысел». Термин «умысел» зачастую употребляется в двух различных значениях: и как исследуемый реальный психический факт, и как результат уголовно-правовой интерпретации факта², вместе с тем первый феномен нельзя характеризовать как форму вины.

Существуют деяния уголовно-правовой природы, анализ которых посредством понятийного инструментария традиционной доктрины состава преступления весьма затруднителен. Речь идет об общественно опасных деяниях, совершенных малолетними, в отношении которых применяются меры профилактики в виде помещения в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа в соответствии с подп. 1 и 2 п. 4 ст. 15 Закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». Орган дознания при установлении факта такого деяния, приняв решение об отсутствии состава преступления (например, нет состава кражи, предусмотренной ч. 1 ст. 158 УК РФ), направляет материалы в суд для принятия профилактических мер к малолетнему лицу, не достигшему возраста уголовной ответственности. Такое деяние имеет характер умышленного уголовного правонарушения. В отношении малолетнего правонарушителя применяются меры в том случае, если необходимо предупредить совершение повторного общественно опасного деяния³. Умысел на кражу, бесспорно существующий в подобной ситуации, определяющий квалификацию действий по ч. 1 ст. 158 УК РФ, нельзя характеризовать как личную вину, так как деяние не влечет уголовного упрека со стороны государства. Отсюда можно предположить, что умысел вообще есть самостоятельный в отношении вины феномен, не равный вине. Однако исследовать такие вопросы можно лишь в условиях четкого разграничения критерия правовой оценки от ее предмета.

В итоге нашего исследования приведем обнаруженные аргументы в пользу концептуального обособления деяния от понятий объективной стороны преступления, тесно связанного с последним понятием общественно опасного деяния от состава преступления и преступления.

¹ Жалинский А. Э. Современное немецкое уголовное право. М., 2006. С. 439.

² В судебной практике недостаточное исследование первого феномена обычно исключает умысел ввиду отсутствия доказательств его существования. При полном исследовании фактических предпосылок, явно не соответствующих нормативным критериям, делают четкий вывод об отсутствии не доказательств, а самого умысла. См., например: определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 31 января 2011 г. № 3-О11-2 // Бюл. Верховного Суда РФ. 2011. № 8. С. 30–31.

³ Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ (в ред. от 3 июля 2016 г. № 359-ФЗ) // СЗ РФ. 1999. № 26. Ст. 3177.

Онтологической предпосылкой такого разграничения выступают различия в сфере существования реальных элементов преступления и установленных законодателем всеобщих нормативных критериев. Реальное деяние индивидуально-личностно, фактично, спонтанно, изменчиво, встроено в непредсказуемо разнообразные жизненные контексты (в том числе внеуголовных правоотношений), представляет собой интерактивное взаимодействие деятеля с социальной средой. Внутри себя и для внешней среды деяние показывает себя как живой организм. Признаки состава преступления как выражение правовой сущности факта индифферентны к индивидуально-личностным особенностям деяния, статичны, односторонне определены, они суть разборные конструкты, схемы интерпретации реальных феноменов. Так мы приходим к понятию уголовно-релевантного факта как исходной внеправовой реалии, которой является конкретный акт произвольного поведения человека. Тем самым из сферы уголовно-правовой оценки исключаются вредоносные, но произвольные реакции тела, которые по своей сути не только не относятся к объективной стороне преступления, но вообще не могут служить основой для ее установления, не являясь деянием. Уголовно-релевантный факт есть тот относимый для сферы уголовно-правового регулирования минимум (своего рода «атомарный факт»), в принципе способный породить правовые последствия, на основе которого возможна оценка нормативных критериев.

Общей гносеологической предпосылкой выступает необходимость строгого и последовательного разграничения модели и критериев уголовно-правовой интерпретации от интерпретируемого предмета.

Такие элементы, как объективная и субъективная сторона состава преступления и их отдельные признаки, не есть реальные части реального целого события. Эти элементы – абстрактные несамостоятельные моменты исходного целого, репрезентирующие обстоятельства деяния в качестве признаков законодательной модели. Их правильная оценка возможна только в контексте анализа и интерпретации общей реальной основы. Только в деянии, описанном нейтрально в отношении юридических предикатов, реальные части органически взаимосвязаны в реальном целом.

Выше было показано на примерах, что доказательства, собираемые в уголовном процессе, не могут непосредственно подтверждать элементы и признаки состава преступления. Это невозможно онтологически. Процессуальные доказательства непосредственно подтверждают только конструируемую картину интерпретируемого события в целом, но не отвлеченных «модельных» моментов. Лишь логически, косвенно через целостный предмет уголовно-правовой оценки процессуальные доказательства способны подтверждать либо опровергать наличие элементов и признаков состава преступления.

Эти важные, в том числе с точки зрения конституционных основ уголовного судопроизводства, взаимосвязи и демаркации наука уголовного процесса может провести только совместно с наукой уголовного права. Последнее подразумевает, что деяние должно не просто обозначать «обстоятельства дела» в процессуальном смысле, но найти свое материально-правовое сущностное определение.

Библиография

Апелляционный приговор коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда от 21 октября 2013 г. об отмене приговора Кушвинского городского суда. Дело № 0588/2013 // Архив прокуратуры Свердловской области. 2013 г.

Жалинский А. Э. Современное немецкое уголовное право. М., 2006.

Зиновьев А. А. Логическая социология: избранные сочинения. М., 2008.

- Ковалев М. И.* Соучастие в преступлении: моногр. Екатеринбург, 1999.
- Комиссаров В., Дубровин И.* Проблемы ответственности соисполнителей за совместные преступные действия и их вредные последствия // Уголовное право. 2003. № 1.
- Комментарий к УК РФ (постатейный) / Ю. В. Грачева, Г. А. Есаков, А. К. Князькин и др. М., 2011.
- Кошелева А. Ю.* Особенности причинной связи в составах преступлений, совершаемых путем бездействия. М., 2009.
- Лист Ф. фон.* Учебник уголовного права. Общая часть. М., 1903.
- Марьин А. Б.* Из практики расследования преступлений против жизни и здоровья граждан при отсутствии данных о причине смерти // Следственная практика. 2003. № 1.
- Материалы уголовного дела № 121553134 с приговором Кушвинского городского суда от 11 января 2013 г. // Архив прокуратуры г. Кушвы Свердловской области. 2013 г.
- Материалы уголовного дела № 22-11644/2005 // Архив Свердловского областного суда. 2005 г.
- О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда РФ: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 3 марта 2015 г. № 9 // Бюл. Верховного Суда РФ. 2015. № 5.
- Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ (в ред. от 3 июля 2016 г. № 359-ФЗ) // СЗ РФ. 1999. № 26. Ст. 3177.
- Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 28 апреля 2005 г. // Бюл. Верховного Суда РФ. 2006. № 4.
- Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 31 января 2011 г. № 3-О11-2 // Бюл. Верховного Суда РФ. 2011. № 8.
- Определение судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда от 20 июня 2014 г. об изменении приговора Новоуральского городского суда. Дело № 22-5363/2014 // Архив прокуратуры Свердловской области.
- Определение судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда от 3 ноября 2010 г. об изменении приговора Байкаловского районного суда Свердловской области. Дело № 22-11192/2010 // Архив прокуратуры Свердловской области. 2010 г.
- Смирнов А. В., Калиновский К. Б.* Уголовный процесс: учеб. / под общ. ред. А. В. Смирнова. М., 2008.
- Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учеб. / под ред. А. И. Рапога. М., 2008.
- Черданцев А. Ф.* Логико-языковые феномены в юриспруденции. М., 2012.

Bibliography

- Apellyacionnyj prigovor kollegii po ugovolnym delam Sverdlovskogo oblastnogo suda ot 21 oktyabrya 2013 g. ob otmene prigovora Kushvinskogo gorodskogo suda. Delo № 0588/2013 // Arxiv prokuratury Sverdlovskoj oblasti. 2013 g.
- Cherdancev A. F.* Logiko-yazykovye fenomeny v yurisprudencii. M., 2012.
- Komissarov V., Dubrovin I.* Problemy otvetstvennosti soispolnitelej za sovmestnyye prestupnyye dejstviya i ix vrednye posledstviya // Ugolovnoe pravo. 2003. № 1.
- Комментарий к УК РФ (постатейный) / Ю. В. Грачева, Г. А. Есаков, А. К. Князькин и др. М., 2011.
- Kosheleva A. Yu.* Osobennosti prichinnoj svyazi v sostavax prestuplenij, sovershaemyx putem bezdeystviya. M., 2009.
- Kovalev M. I.* Souchastie v prestuplenii: monogr. Ekaterinburg, 1999.
- List F. fon.* Uchebnik ugovolnogo prava. Obshhaya chast'. M., 1903.
- Mar'in A. B.* Iz praktiki rassledovaniya prestuplenij protiv zhizni i zdorov'ya grazhdan pri otsutstvii dannyx o prichine smerti // Sledstvennaya praktika. 2003. № 1.
- Materialy ugovolnogo dela № 121553134 s prigovorom Kushvinskogo gorodskogo suda ot 11 yanvarya 2013 g. // Arxiv prokuratury g. Kushvy Sverdlovskoj oblasti. 2013 g.
- Materialy ugovolnogo dela № 22-11644/2005 // Arxiv Sverdlovskogo oblastnogo suda. 2005 g.
- О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда РФ: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 3 марта 2015 г. № 9 // Бул. Верховного Суда РФ. 2015. № 5.
- Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Федераль'nyj zakon ot 24 iyunya 1999 g. № 120-FZ (v red. ot 3 iyulya 2016 g. № 359-FZ) // SZ RF. 1999. № 26. St. 3177.

Определение судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда от 20 июня 2014 г. об изменении приговора Novoural'skogo городского суда. Дело № 22-5363/2014 // Архив прокуратуры Свердловской области.

Определение судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда от 3 ноября 2010 г. об изменении приговора Байкаловского районного суда Свердловской области. Дело № 22-11192/2010 // Архив прокуратуры Свердловской области. 2010 г.

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 28 апреля 2005 г. // Бул. Верховного Суда РФ. 2006. № 4.

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 31 января 2011 г. № 3-О11-2 // Бул. Верховного Суда РФ. 2011. № 8.

Smirnov A. V., Kalinovskij K. B. Ugolovnyj process: ucheb. / pod obslh. red. A. V. Smirnova. M., 2008.

Ugolovnoe pravo Rossii. Chasti Obshhaya i Osobennaya: ucheb. / pod red. A. I. Raroga. M., 2008.

Zhalinskij A. Eh. Sovremennoe nemeckoe ugolovnoe pravo. M., 2006.

Zinov'ev A. A. Logicheskaya sociologiya: izbrannye sochineniya. M., 2008.